Л. М. Орлова

«ЖИТИЕ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО» – ПАМЯТНИК ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ XVI ВЕКА (Проблемы текстологии и литературной истории произведения)

«Житие Василия Блаженного, Христа ради юродивого, московского чудотворца» принадлежит к разряду весьма значительных и популярных памятников народного чтения. Необычайная судьба московского юродивого и его деяния занимали воображение широкого круга читателей не только в XVI–XVII веках, но и в более позднее время. Василий юродивый – реальное историческое лицо. Сведения о нем кратки и отрывочны и иногда противоречивы. Их приходится буквально по крупицам собирать из разных источников. Достоверно известно, что жил он в первой половине XVI века; как указывается в житии – «родися от отца Иакова и матери Анны во царствующем граде Москве, у Пречистыя Богородицы на Елохове; в юродстве преложися штинадесяти лет, молчанию предася, и потом нача наг ходити». Одно из самых ранних упоминаний о Василии Блаженном находим в Степенной книге, созданной в 60-е годы XVI века «повелением митрополита Макария». Здесь Василий назван дважды: в одном месте (грань XVI, степень XVI) приводится очень краткое легендарное известие о знамении Богородицы, которое явилось ему перед внезапным пришествием крымских татар [1]. В другом (грань XVII, степень XVII) – при описании московского пожара 1547 года указывается, что о нем «откровено быть преже Василию» [2].

Василий, московский чудотворец, прожил долгую жизнь (88 лет), из них 72 провел в юродстве. Был очевидцем событий, происходивших в первой половине XVI века [3]. Оставался в едином качестве при четырех монархах: при Иване III, затем в царствовании Василия III, в кратковременное правление Елены Глинской и

при Иване Грозном. Знал будущего государя Феодора Иоанновича младенцем. Пережил 8 митрополитов, канонизирован при патриархе всея Руси Иове в 1589 году. Излюбленными местами пребывания юродивого были Красная площадь и башня у Варварских ворот в стене Китай-города. Утверждению авторитета способствовало покровительственное отношение к Василию как митрополита Макария, так и Ивана Грозного. По преданию, принять благословение от юродивого перед его смертью пришли «благоверный царь и великий князь Иоанн Васильевич, всея Русии самодержец со своею благочестивою царицею великою княгинею Анастасиею со благоверными царевичи Иоанном и Феодором. Блаженный же близ смерти сый и при последнем издыхании царевичу Феодору пророчески глаголаше: "Вся прародителей твоих твоя будут и наследник будеши им"».

Погребение юродивого совершалось весьма торжественно. Отпевал его сам митрополит Макарий со всем Освященным собором, царь и князья несли гроб, при этом была роздана большая милостыня из царской казны. Предсказание Василием царского венца Феодору Иоанновичу послужило одной из причин особого почитания в его правление. Иждивением Федора в 1588 году сооружена серебряная «с каменьями драгоценными» рака, и во имя блаженного у восточной стены Покровского собора возведена церковь («Царь Феодор усердно истинным желанием радуяся и веселяся, созда церковь и изрядно украси благолепием, яко солнечных луч блещащихся над гробом же святого, иде же лежат мощи его пресветлоцелительныя, раку украси багры царьскими». Царица Ирина «теплою истинною верою раку святого покровы драгими украси»). Судьба посмертной репутации Василия уникальна. Бесспорно, это одна из самых удивительных судеб в русской истории. На протяжении XVI века Василий именуется не иначе как «светилом, в московских пределах возсиявшим».

Народная память хранит воспоминания о Василии доныне. Прошло более 400 лет со времени канонизации, но имя юродивого не затерялось, оно как символ прочно вошло в национальную память. Василий Блаженный – это эпиграф к русскому юродству, его своеобразная энциклопедия. Недаром народ окрестил собор Покрова на Рву храмом Василия Блаженного, в честь которого при царе Феодоре Иоанновиче был открыт один из его приделов.

Несмотря на привлекательность образа самого юродивого и легендарных преданий о нем, его «Житие» осталось почти не исследованным. Научная литература, посвященная этому оригинально-

му памятнику, невелика. Лишь во второй половине XIX века произведение попало в поле зрения исследователей русской агиографии, да и то долгое время сведения о нем были сосредоточены в работах биографического характера. Кроме церковных авторов – архиепископы Филарет (Гумилевский), Димитрий, Сергий, Григорий (Лебедев), архимандрит Леонид (Кавелин)[4], – о нем писали П. М. Строев, Н. П. Барсуков, Е. Е. Голубинский, И. И. Кузнецов, А. И. Соболевский[5].

Некоторые вопросы о житии поднимал В. О. Ключевский в книге «Древнерусские жития святых как исторический источник»[6]. Следует признать, что В. О. Ключевскому не была полностью известна литературная история текста жития, и потому ученый утверждал, что сохранившееся житие блаженного «очень скудное биографическим содержанием, но многословное и скорее похожее на Похвальное слово, чем на житие; чудеса, приложенные к житию, начались в 1588 году; в рукописях житие, кажется, появляется не ранее XVII века; это указывает приблизительно на время его составления» (при этом ученый указывает шифры нескольких списков).

Кроме того, известны упоминания о Василии и его житии в числе других письменных памятников агиографической литературы – как правило, для характеристики исторического периода[7], либо для освещения некоторых сторон общественной и литературной жизни Руси конца XVI – начала XVII веков[8]. В свое время Д. Флетчер[9] свидетельствовал, будто Василий «упрекал Ивана Грозного в его жестокости и во всех угнетениях, каким он подвергал народ... Юродивый творил здесь много чудес, за что ему делали обильные приношения не только простолюдины, но знатное дворянство, и даже сам царь и царица». Между тем ни в одной из работ предметом специального исследования житие Василия Блаженного не становилось.

Отсутствие научно изданных текстов жития и, как следствие того, исследований о Василии юродивом побудило Иоанна Кузнецова, протоиерея Покровского на Рву собора, первым обратиться к этому вопросу. В работе, вышедшей в 1910 году под заглавием «Святые блаженные Василий и Иоанн Христа ради юродивые московские чудотворцы», объединены две историко-агиографические монографии о каждом из этих святых[10]. Что касается жития Василия, то проведена большая и весьма полезная работа. Во-первых, выявлены и частично описаны списки жития и службы святому в различных рукописных собраниях. Уже вследствие этого монографическое исследование служит ценным спра-

вочником, указав на шифры 42 списков. Во-вторых, опубликованы несколько текстов жития (Полное – по списку ГИМ, собр. Чудовское, № 317 – соответствует Распространенной редакции (РР); Сокращенное – по тексту печатного Пролога 1660 года – Проложная редакция; житие «особного состава» – по копии, снятой самим И. И. Кузнецовым, – Особая редакция).

Между тем следует заметить: 1) указанные И. И. Кузнецовым списки (42 единицы), по существу, только перечислены без текстологического анализа; нет разделения не только на варианты, но зачастую не выделены даже те, которые явно представляют разные редакции; 2) тексты изданы произвольно, нет и основательной мотивировки выбора того или иного. Так, при публикации Чуд–317 исследователь счел возможным «выпустить из Сказаний все, не имеющее прямого отношения к предмету исследования», оставив лишь те части произведения, в которых сообщается непосредственно о Василии юродивом. В итоге, старший датированный (как позже выяснилось, он же и лучший) список РР остался неизданным. Таким образом, максимально сжато изложенные текстологические наблюдения и некоторые неясности в принципах издания привели к тому, что работа И. И. Кузнецова осталась незавершенной. Впрочем, по его словам, он «не задавался невыполнимой целью – ознакомиться со всеми существующими списками, и его работа служит прежде всего для облегчения труда позднейших исследователей, когда таковые явятся».

В рецензии на эту работу А. И. Соболевский[11] предложил другую терминологию – жития «каноническое» и «апокрифическое» (Полное и Сокращенное, по Кузнецову). Ученый указал на необходимость сравнительного изучения житий московских юродивых с житиями греческих (Андрея Константинопольского, Василия Нового и Нифонта). «Естественно предположить, что отношение московского населения XVI века к своим юродивым устанавливалось под влиянием вышеупомянутых житий. Возможно, что сами юродивые были знакомы с этими житиями и в своих действиях до известной степени сообразовывались с действиями, в них описанными. Несомненно, что те лица, которые взялись описать жизнь и подвиги московских юродивых, были хорошо знакомы с житиями Андрея, Василия Нового и Нифонта и имели в них авторитетные образцы. Сравнительное изучение должно дать ценные результаты, положительные или отрицательные, все равно. И. И. Кузнецов не дает сравнения текстов и ограничивается лишь случайными и значения не имеющими упоминаниями о греческих юродивых.

Этот недостаток труда Кузнецова мы признаем существенным». А. И. Соболевский справедливо заметил, что изобилующее ошибками исследование Кузнецова не дает полного представления о литературной истории, необходимо новое научное издание текста жития Василия Блаженного.

Определенным этапом, подводящим итоги в изучении памятника, стала статья А. М. Панченко в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» [12]. В ней отмечено, что «житие имеет несомненную ценность; в нем дан набор стереотипов поведения юродивого: презрение к телу... элементы общественного протеста... жесты юродивого и т. д.». Ученый напомнил о необходимости исследования и издания жития.

Важно отметить, что житие Василия Блаженного принадлежит к традиции агиографических сочинений о юродивых, располагая весьма ценным материалом для выяснения самого феномена юродства. Сложное социально-культурное явление в жизни Древней Руси – без знания которого наши представления об отечественной литературе и культуре были бы не совсем полны – отдельными гранями отразилось в литературном материале житий юродивых. Таким образом, наличие издания, соответствующего современным научным требованиям, позволило бы полноправно ввести это произведение в репертуар древнерусской литературы, внося тем самым определенный вклад в характеристику историко-литературного процесса XVI–XVIII веков.

Впервые предпринятая попытка максимального выявления сохранившихся списков памятника, установления редакций текста, их соотношения и времени появления была осуществлена автором настоящей статьи [13]. К исследованию были привлечены 107 списков жития, в то время как ранее были известны 42. Введение в научный оборот 65 списков стало возможным в результате предпринятых поисков в отечественных архивохранилищах. Проведена работа с не подвергавшимся прежде анализу иконографическим материалом о Василии юродивом в Русском музее, Эрмитаже, Новодевичьем монастыре, Третьяковской галерее, а также настенной росписи в приделе Василия юродивого Покровского на Рву собора. Обнаружена ранее не упоминавшаяся икона «Василий в житии». В настоящий момент она хранится в Новодевичьем монастыре (ГИМ, 73502/4 И 3627). Икона предположительно датируется концом XVII века. Средник обрамляют 10 клейм со сценами из жизни юродивого Василия. Позволительно утверждать, что иконопи-

сец, изобразивший основные события жизни московского чудотворца, был знаком с Особой и Сводной редакциями жития. Каждое клеймо трактовано как самостоятельная сцена с отчетливо обозначенным сюжетом и композицией. Более подробное рассмотрение сюжетов клейм иконы, их отношение к тексту (и наоборот) – дело дальнейших изысканий.

Проведенный текстологический анализ доступных в настоящее время списков жития Василия Блаженного позволяет говорить о существовании шести редакций, представленных несколькими вариантами. Это Первоначальная, Минейная, Распространенная, Проложная, Особая, Сводная (ПР, МР, РР, ПрР, ОР, СР). Автором статьи впервые были выявлены Первоначальная и Сводная редакции, кроме того, обнаружен единственный на сегодняшний день список Особой редакции [14].

Из шести известных редакций жития Особая является наиболее интересной в литературном отношении. Это памятник народной агиографии, сборник рассказов о Василии. Трудно указать еще какое-либо произведение древнерусской агиографии, в котором бы так ярко была выражена особенность народного взгляда на юродивых. В отличие от встречавшихся в других редакциях заглавий «Житие въкратце и Слово похвальное...», или «Житие... и чюдеса», Особая редакция названа: «изъ книги древлеписменной. мѣсяца августа во второй день. житие и жизнь и въкратцѣ сказание о чюдесѣхъ святаго и праведнаго Василия Блаженнаго московскаго чюдотворца. благослови отче» (нач. «Сей блаженный Василий бѣ при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Иоанне Васильевиче...» идентично началу Проложной редакции).

Теоретически Особая редакция дошла до нас в двух списках, один из которых найден, описан и опубликован по копии И. Кузнецовым в начале XX века. До 1905 года, когда рукопись попала к И. И. Кузнецову, о ней и имеющемся в ней житии Василия Блаженного ничего не было известно в агиографической литературе. «Он интересен своей редкостью, другого такого мы за все 14 лет, пока занимались своим исследованием, не встречали ни в одной библиотеке, ни в одном рукописном сборнике. Это уника», – отмечал И. И. Кузнецов [15]. Исследователь назвал список «житие особого состава»; текст скопирован с рукописи, доставленной Шепаревым. Кузнецов был последним, кто видел ее; местонахождение рукописного сборника сейчас неизвестно: «кажется, в Ярославской губернии». Ему не удалось в свое время купить руко-

пись (ее не продавали) и пришлось ограничиться дословным переписыванием жития Василия Блаженного. Таким образом, начало изучению Особой редакции жития было положено публикацией, осуществленной И. И. Кузнецовым по копии в 1910 году. Печатный текст, изобилующий пропусками, опечатками, неверными прочтениями, оставался в течение всех этих лет единственным документальным источником сведений об Особой редакции памятника.

Второй список обнаружен нами. Привезен из деревни Борок Виноградовского района Архангельской области Л. И. Сазоновой в 1971 году (в настоящее время находится: ИРЛИ, собр. Амосова–Богдановой, № 46. XVIII–XIX вв., в 4°, 362 л., житие Василия – л. 64–94). Сборник из собрания рукописей и старопечатных книг, входивших в состав старообрядческой библиотеки[16]. Текстологический анализ списков убеждает в том, что перед нами два текста того самого «исчезнувшего жития». Далее список ИРЛИ из собрания Амосова–Богдановой обозначается АБ-46, список же, описанный Кузнецовым, – К. Следует заметить, что подготовка публикации списка К осуществлялась по рукописной копии, выполненной самим И. И. Кузнецовым. Изданию нельзя доверять полностью, оно изобилует ошибками разного рода. Поэтому полно провести сверку на грамматическом уровне невозможно. Между тем это отнюдь не умаляет значения списка К, хотя бы потому, что выделить основные сюжетные моменты и очередность рассказов, составляющих житие, можно вполне.

Или именно об этом житии, или, скорее, о более полном его варианте, упоминал в середине XIX века И. М. Снегирев, сообщивший об изъятии за якобы описанные в нем злоупотребления духовенства[17]. Автор указал, что он «пользовался источниками, сообщенными ему А. И. Хлудовым и Лобковым, а также кратким житием, выданным протоиереем Покровского собора А. И. Воскресенским». А. И. Соболевский предложил называть это житие «апокрифическим». Текст Особой редакции «представляет собой собрание народных рассказов о Василии и принадлежит столь же литературе, сколь и городскому фольклору»[18].

Показательны составы сборников-конволютов: АБ-46 исключительно литературен – кроме жития Василия, наряду с главами из Зерцала богословия Кирилла Транквиллиона читаются: «Слово на убиение царевича Дмитрия», отрывок из «Повести о Германе Соловецком», «Пвесть о взятии Царьграда турками», «Сказание о Магмет Салтане». Тексты в рукописном сборнике писаны полууста-

вом и скорописью нескольких почерков. Бумага с тисненым знаком «Фабрика наследников Сумкина 6». Для сравнения: в рукописи, описанной И. Кузнецовым, содержатся апокрифические жития Андрея Критского, Марии Египетской, «Сказание о княгине Анне Кашинской». Сборник в 4є, писан мелким полууставом, житие Василия – л. 39–81 об. Показательно, что АБ-46 происходит из библиотеки богатого и известного на Двине купца В. М. Амосова. Изучение состава сборника позволяет частично проследить подборку рукописных текстов, составляющих круг чтения северного русского крестьянина.

После тщательного сличения почерка текста жития Василия Блаженного с другими в этом же сборнике можно назвать переписчика жития. Им оказался Останин Максим Матвеевич, обычно упоминающийся в рукописях как «инок Козма» [19]. В списке «творений инока Козмы» рукопись АБ-46 не упоминалась ранее. Таким образом, его можно с уверенностью пополнить житием Василия Блаженного юродивого, находящимся в этом сборнике.

Основным для Особой редакции считаем АБ-46. Список в ряде случаев имеет правильные чтения по сравнению с К: 1) Так, например, в последнем нет следующей фразы: «Егда же отучися тому ремеслу, работая у того же учителя». А между тем уточнение существенно, поскольку далее повествуется о некоторых случаях из жизни Василия, происходивших в период работы у учителя. 2) В АБ-46 – «она же закля себя» (т. е. зареклась, заручилась), в К – непонятное «зая себе». 3) В АБ-46 – «А при себе денег ничто же не имеет. И се три дни тает гладом, ничто же имея вкусити». В К, в результате пропуска в тексте, читаем «А при себе денег ничто же имея вкусити». Примеры можно множить.

Особая редакция, представленная списком АБ-46, интересна еще и тем, что дополнительно сообщает эпизод из жизни Василия, не упоминавшийся ранее. После слов «Угоднику блаженному Василию, ему же слава. Ныне и присно и во веки веком аминь» (так заканчивается список К) в АБ-46 читаем: «Той же Василий Блаженный некогда виде человека богата христианина, изъведена из бани, и рабы его водою омывающа. Василий же святый мнев яко по бозе труд имеют, и разгореся у святаго похоть плотская. И изъскочи скоро из бани, и дверь разруша до основания». Текст нельзя назвать прерванным, но он явно не завершен. Быть может, опущен эпизод, предваряющий рассказ «о богатом христианине»? Во всяком случае, сюжет налицо, но материал скуп и не развернут так подробно и панорамно, как в других рассказах. Примечательно,

что упоминание о возгоревшейся похоти Василия есть и в тексте Службы ему (из этого же источника запись перенесена в Проложную редакцию): «В посте, и в молитве, и в благовейнстве благочестия достигнув, погашая пламень похотный и тщание прилежно во уме имея». Но, думается, это не более чем общее место, характерное для многих житийных и служебных текстов.

Остается важным определить – что это? Позднее наслоение, или же дошедший до нас отрывок древнейшего, «некогда попавшего в опалу» жития? Как положительный, так и отрицательный ответы на этот вопрос были бы в равной степени ценны. Выяснить происхождение было бы тем более познавательно, что баня, по народным понятиям, – типичное пространство «инишного» мира. В баню юродивые приходили обычно помыться и снять с себя вериги перед смертью.

Выявленные разночтения списков удобно разделить на следующие типы:

а) перестановка слов:	
АБ-46	**К**
персом в корабли по морю плавающим; прикосновением к святым его мощем исцеление получиша (л. 92 об.); тогда с сим словом вниде бес в сткляницу и скрыся (л. 75 об.)	персам в корабли плавающим по морю (л. 85 об.); прикосновением к его святым мощем исцеления получаху; тогда бес с сим словом вниде в скляницу и скрыся
б) замена и добавление новых:	
из них же благородства седмьдесят два лета (л. 92 об.); сапожник некто богобоязлив мимо его идяше со сапоги на торг продати их (л. 77 об.)	из них же благоюродствова седмьдесят два года сапожник некий богобоязлив мимо его идяше со сапоги продати их
в) смысловые оттенки и эмоциональная окраска:	
осерча на него, яро на него возре, и вырва из рук его онаго сапоги; рече тому притворному мертвецу буди ты, человече, отселе поистине мертв, яко буестию вознепщевал еси обманом приятии милостыню (л. 74)	осерча на него яро и вырва из рук его онаго сапоги; рече тому притворному мертвецу яко буестию вознепщевал еси обманом приятии милостыню

Что касается последнего примера, то, согласно списку К, Василий не произносит вслух проклятия обманщику, как это в

АБ 46: «...буди ты, человече, отселе поистине мертв». Юродивый просто покрывает его шубой, ничего не произнося. В связи с этим интересен возникший диалог в тексте Краткого вида ОР: Василий, прежде чем покрыть человека шубой, спрашивает: «Воистину ли мертв клеврет ваш?» или «Аще истинно мертв есть клеврет ваш, и в кое время умре?» «Они же реша: "Истинно мертв есть и сийточию час помре"». Ни в списке К, ни в АБ-46 этих чтений нет. В К и АБ-46 обманщики «единого от дружины своея положища во гробе, яко мертва»; в текста Краткого вида ОР он сам лег на дороге на землю.

Следует заметить, что неверные чтения присущи и АБ-46. Так, в рассказе о «тушении пожара в Новгороде» в К: «благоверный же царь и вторую даде. И вторую выплесну». Имеется в виду, что Василий выплеснул сначала первую, потом вторую, а затем и третью чашу с вином. В АБ-46 пропущенная фраза «и вторую даде» делает текст непонятным: «Благоверный же царь и вторую выплесну». Для этого списка характерны ошибки прочтения; причиной пропуска или замены слова, скорее всего, является то, что писец при чтении оригинала мог «перескочить» глазом строку или группу строк. Так, например, на л. 88 читаем: «открыся же ему святым духом, что иметь быть по его преставлении». В списке К — «бытии по его пророчеству». То, что это ошибка прочтения, а не смысловое изменение текста, подтверждается следующей фразой «...по его преставлении и пророчествова о настатии времен лютых». Очевидно, что в данном случае имеет место типичная ассимиляция (прогрессивная, поскольку последующее слово влияет на предыдущее; дистантная, так как дополнительно слова разделены несколькими лексемами «по его»).

Житие Особой редакции освобождено от витиеватых восхвалений величия подвигов святого. Кратко сообщается о прославлении блаженного в чудесах, совершившихся как при жизни, так и по преставлении, исключены обширные нравоучительные назидания для слушателей. Житие ОР представляет собой сжатый, лаконичный текст, в композиции которого присутствуют 15 сюжетов. Разделение текста на рассказы отмечено в рукописной традиции выделением их в отдельный абзац. Некоторые из сюжетов, впоследствии обособившись, составят Краткий вид Особой редакции (КВ ОР).

1 — Василий «отдан бысть родительми рукоделию сапожному, и зело то ремесло добре извыче во всяком страсе божии и в молитве...»;

2 – «Прииде некогда блаженныи к благоверному государю Иоанну Васильевичу и... егда принят в руку свою питие, абие излия оное до трех крат за окно»;

3 – «О царстем дворе на Воробьевых горах». Царь, находясь в церкви, думал о постройке своего дворца, в чем и уличен был Василием;

4 – «Подвижеся благоверный царь в великий Новъград со всем воинством на смирение граждан...»;

5 – «Некогда же благоверный царь Иоанн Васильевич хотя сего блаженного искусити златом» (Василий отдал все золото купцу, а не нищим);

6 – «Некии князь, любя святого, и умоли его взятии лисию теплую шубу». Обманщики же хотели ее отнять;

7 – «О девах, посмеявшихся святому Василию». В наказание за это они ослепли;

8 – О корчемнике, который «бысть зол сердцем, с поношением и бранью подаваше пиющим вино»;

9 – «имеяше святыи и блаженныи Василии таков дар от Бога, что видяше явно аггелов и бесов»;

10 – «Сапожник некто богобоязлив мимо его идяше со сапоги на торг продати»;

11 – «Бе некий диякон, зря святого Христа ради юродствующа и дивная творяща, умилися сердцем своим, возжеле ему последовати, и чудному его житию поревновати»;

12 – «Бе некии христолюбивец, умысли написати святыи образ Богоматери»;

13 – «Диявол преобразил себя в подобие человека стара и седа и нища»;

14 – «В персидстей стране, персом в корабли плавающим по морю». Василий спас их «от потопления велика и от смерти водостланой»;

15 – «Царь... с Анастасиею... и Иоанном, и Федором прииде к нему на посещение» (Василий предсказал, что царевич Дмитрий будет убит в Угличе).

Затрагивая вопрос о времени создания жития Особой редакции, И. И. Кузнецов высказал предположение, что оно составлено «много времени спустя» после кончины блаженного, когда память о событиях его жизни стала тускнеть в народной памяти. Упоминание об «игралищах» на том месте, где жил Василий (в рассказе о Пречистейских вратах), и намекающее, по-видимому, на

театр времени Петра I на Красной площади, говорит о принадлежности дошедшего до нас текста к началу XVIII века[20].

Рассказ жития о царевиче Дмитрии также указывает на позднюю дату жития. Василий предсказывает царю Иоанну IV: «По твоем же преставлении младенец Дмитрий убиен будет от властолюбивых твоих сродник, и по времени принесены будут мощи его в царствующий град Москву». Кузнецов утверждал: «Эти строки могли быть написаны только в то время, когда молва о виновнике смерти Дмитрия – Борисе Годунове – уже затихла, т. е. не ранее конца XVII в.».

А. И. Соболевский считал, что существовала старшая редакция этого апокрифического жития, составленная вскоре после канонизации Василия. Подтверждение ученый нашел в рассказе о том, как Иоанн IV, стоя в Успенском соборе, думал о постройке дворца на Воробьевых горах. «Память об этом ничтожном деле не могла сохраняться долго, и народная фантазия легко могла заменить Воробьевский дворец половины XVI века каким угодно другим зданием»[21]. Известно, что после указа Алексея Михайловича 1658 года прежние Боровицкие ворота Кремля стали называться Предтеченскими. Это название не удержалось в народном употреблении, ворота стали именоваться Пречистенскими. Именно такое чтение в списке АБ-46. Очевидно, что текст жития Особой редакции окончательно отредактирован после 1658 года.

Нахождение новых рассказов о Василии важно по многим причинам. Еще А. И. Соболевский предполагал существование более раннего жития подобного Особой редакции типа. Сказать, из каких именно рассказов, композиционных узлов состоял древнейший текст, весьма затруднительно. Небезосновательно полагать, что наиболее редко встречающиеся сейчас рассказы и были в составе жития, изъятого некогда из обращения. Именно потому каждый вновь найденный по-своему оригинален и важен для прояснения литературной истории памятника.

Так что же послужило причиной создания Особой редакции этого «народного» варианта жития Василия? В большей степени отсутствие каких-либо биографических сведений о святом в каноническом житии. Однако некоторые данные, помещенные в Особой редакции, видимо, возбудили сомнение в пригодности их для церковного жития. Подобные списки отбирались, Церковь запрещала их распространять, народ же понял причины такого распоряжения по-своему. Тогда же и появился сокращенный вариант текста, заключающий в себе лишь признанные духовной властью

«Сказания о прижизненных чудесах». Писцы же не забывали напоминать: «Древния же рукописные записки свидетельствуют...»

Примечательно, что единственный на настоящий момент рукописный текст Особой редакции сохранился и был читаем именно на русском Севере, в то время как специальным указом Синода изъят из обращения и запрещен для распространения. Местное население Подвинья издавна хранило старинные рукописные книги – и не просто хранило, но и приумножало; в книгописных мастерских создавались новые редакции средневековых памятников, приспособленные к местным условиям и вкусам, дошли и оригинальные тексты. Что до рукописного сборника из собрания Амосова–Богдановой № 46, то некоторые из выявленных разночтений, несомненно, следует отнести к оригинальности его переписчика – Останина Максима Матвеевича. Таким образом:

1) вновь найденный список АБ-46 особенно важен для прояснения литературной истории жития Василия Блаженного. Прежде всего потому, что подтверждает существование Особой, по разным обстоятельствам исчезнувшей редакции, текст которой, не получив одобрения цензуры, отправлен в фонд Синода;

2) видимо, некоторые сведения вызвали сомнение в пригодности их для «душеполезного чтения». В силу этого решено было исключить из текста подобные рассказы, не допускать их дальнейшего распространения в списках, чем отчасти объясняется чрезвычайная их редкость теперь. В высшей степени показательно, что на Севере «опальное» житие не только сохранилось, но, и активно читаемое, распространялось;

3) тогда же, вероятно, появился Краткий вид Особой редакции – «Сказание о прижизненных чудесах». Народная молва поняла причины запрета по-своему. В памяти остались занимательные рассказы о деяниях Василия, и потому писцы не упускали случая для напоминания о некогда изъятом из употребления житии – «Древния ж рукописныя записки свидетельствуют...»;

4) другой причиной немногочисленности списков Особой редакции, кроме известного запрета на распространение, является та, что текст редакции стал быстро вытесняться народным вариантом, более компактным и усеченным. Это Краткий вид Особой редакции (КВ ОР).

Рождение КВ ОР – важный этап в истории жития Василия Блаженного в целом и Особой редакции в частности. Это связано с тем, что начальный вид текста Особой редакции на Руси утерян, а конечный – народные сказания и их литературная обработка –

нашел самое широкое распространение. Этому в большой степени способствовало и то, что КВ ОР активно переписывался в составе 1 и 3 вариантов Сводной редакции. КВ ОР известен под заглавием: «Чудеса в жизни святого и праведного Василия Христа ради юродивого, московскаго чюдотворца» (нач. «Древния и рукописныя записки свидетельствуют о сем святом муже и самоизволном страстотерпце...»). КВ ОР состоит из отдельных кратких рассказов — остросюжетных и занимательных.

Одни и те же события из жизни юродивого Василия, описанные в Особой редакции и КВ ОР, интерпретируются по-разному. Так, например, во время учебы сапожному мастерству у Василия появляется дар предвидения. Именно этим подтвердилась его избранность Богом и назначение служить высшей цели. О том, как это произошло, говорится весьма различно. Согласно тексту Особой редакции, в Москву приехал купец «со стругами, обремененными товары хлебными», пришел по случаю к сапожнику — заказать сшить сапоги. Попросил сапоги крепкие, «дабы мог проносить их целый год». Василий «разъсмеяся» и говорит купцу: «Сошьем сапоги тебе такие, что и не износишь их!». И «прослезился» юродивый. Учитель был очень недоволен, «вознегодова на Василия, яко пред честным человеком и богатым купцом безобразуясь: посмеяся вкупе и прослезился», потребовал ответа от Василия о его поведении. Тот сознался, что рассмеялся он глупости купца, что тот заказывает сапоги на целый год, а не знает, что не придется ему их даже надеть, ибо «смертию пресечется жизнь его». Потому и плакал Василий. Учитель не внял словам ученика и сшил сапоги купцу сам. Не дождавшись «онаго купца пришествия за ними, и яко промедлил три дни и не прииде, взя сапоги и хотя сам отнести на струги оному купцу». Каково же было удивление сапожника, когда «узре множество народа, онаго купца на погребение провождающих, уже умерша. И тогда вспомянув глаголы Василиевы».

По другой версии (КВ ОР), Василий не хочет открыть учителю тайны смеха, тот же по-прежнему настаивает на ответе. Василий соглашается, он готов рассказать все, но с условием ухода «из сапожного ученья».

С некоторыми отличиями предание об этом событии сообщает И. М. Снегирев[22], а именно:

1. Сапоги пришел заказывать посадский человек, а не купец, как в ОР.

2. Услышав его просьбу о том, чтобы сапог хватило проносить на несколько лет, Василий улыбнулся, — не «разъсмеяся».

3. Это заметил хозяин и по уходе посадского спросил Василия, что значит эта его улыбка, не рассердившись при этом, и не требуя очень уж категорично.

4. Василий не соглашался объяснить. Наконец уступил, добавив, что если скажет, – то не сможет более остаться у хозяина. Сапожник согласился на это.

Сюжеты семи повестушек, упрощенные и освобожденные от многих подробностей своего оригинала, получили весьма своеобразную обработку и занимательное словесное оформление. В приемах письма чувствуется рука мастера, умевшего пользоваться реалистическими красками слова. Вместе с тем, речевая форма рассказов не лишена фольклорных элементов, которые можно наблюдать и в использовании приемов сказочной изобразительности, и в виде повторения одних и тех же формул. Общий характер текста варианта ОР заставляет предполагать его сложение не ранее чем в первой половине XVII в.

Перечислим по порядку сюжеты, составляющие основной текст:

1 – «Егда тезоименитство бе царево, приглашен бысть царем в палаты и святый Василий. И егда прият в руку свое питие – абие излиянное до трех крат за окно, чем подвиже царя на гнев»;

2 – «По времени же некогда восхоте царь воздвигнути себе двор царский на Воробьевых горах. И бысть егда воздвизаше оный, случися праздник, во онь же царь приедь во храм молитвенный, мысляше во оном, како бы его привести ко окончанию и устроити благолепным»;

3 – «О девах, посмеявшихся ему. Девы оныя быша торговицы на торжищи и продающия свои рукоделия. И бысть егда святый идяше мимо их наг. Они наготе его посмеялися»;

4 – «Вельможа изнесе Василию лисью алаго цвета суконную шубу и облече его в ню. Святый же, облеченный во оною, абие изиде из палаты его и потече скоро во оной шубе по граду. Мошенники же, узревше святаго издалека тако одетаго, умыслиша испросити у него оною шубу лукавне»;

5 – «Случися единому кораблю персидскому из мори плавати. И ту бяше не мало персидского народа. И нача той корабль утопати, ветер бо велий на мори воста»;

6 – «Имеяше святый и сей дар от Бога, яко видеша ангелов и дияволов. И егда он идяше мимо дома таковаго, в нем же совершахуся молебная пения, или божественнаго писаниа чтения, или моления, или беседы благие о бозе, или иное что благое и боголюбез-

ное дело... абие сбираше камения и меташе оные со оскорблением во углы онаго дома»;

7 – «случися сему святому внити некогда в корчемницу. В ней же корчемник бысть зол сердцем, с поношением и бранию подаваше пиющим вино... паче же с напоминанием имени диавольскаго глаголя: “да поберет тя диавол”».

Логичным завершением последнего сюжета служит наставление о «кресте господнем», читающееся в Тит-4065 [23], Тит-3831 [24], Ал-Нев-49 [25]. Примечательно, что именно в этих списках отсутствует эпизод № 5. Часть наставления захватывает предыдущую повестушку «о корчемнике, кои бяше зол сердцем».

«Святый, престав от смеха, и приступив к корчемнику, и начат глаголати пред всеми, тамо бывшими человеки, указуя на корчемника: “Яко егда подаде сеи пити сему вино, и изрече: Диавол тя да поберет, абие бес вскочи к нему в сосуд. А егда пиющий оградися знамением креста Господня, бес искочи из сосуда и, палим сый огнем, утече из корчмы”. Аз же сему порадовася и возсмеяхся, и смеюся, и хвалю помнящих Христа спасителя нашего, и творящих в делах своих знамение крестное, отражающее всю силу вражию».

Последний, седьмой по счету, сюжет продолжает повествование на эту тему: «И сие о кресте господнем, и о силе его изрече сей Василий Блаженный». Текст написан от первого лица, автор замечает: «Аз же, кто грешный уведах о сем святом Василии Блаженном слышания оное, и написах в знак моего благодарения за избавление молитвами святыми его сына моего от болезни. От ней же не мнях ему живу бытии».

Таким образом:

1) перечисленные эпизоды, которые составляют фабулу КВ ОР, отличаются большей или меньшей степенью закрепленности (5-й эпизод отсутствует, 7-й появляется периодически) при достаточной определенности в изложении;

2) фактическим подтверждением, что текст КВ ОР читался вне жития Василия Блаженного и воспринимался при этом как отдельное, вполне законченное произведение, является список Барс-1064 [26]. Переплет утерян, рукопись в разбитом состоянии. Однако благодаря тщательнейшей сверке цвета чернил установлено, что перед нами самое начало рукописного сборника. Обозначенная в сборнике буквенная нумерация листов, начинающаяся с .а҃., вовсе не отличается по цвету и оттенкам от основного текста. Это очень важно – что перед нами именно начало. Другой текст этого сбор-

ника, соседствующий с житием Василия, вполне завершен: то, что он не прерывается, свидетельствует оформление последних строк «воронкой». Вряд ли стоит предполагать существование некогда цельной, гораздо большей по объему рукописи. Скорее всего, соседство двух текстов (житий Василия Блаженного и Максима юродивого) не дополнялось еще каким-либо произведением. Переписчик ограничился тетрадкой в 12 листов, переписав лишь текст о Василии юродивом (КВ ОР). Он не дополнил его ни Похвалой, ни посмертными чудесами, ни собственно «Житием Василия» Минейной редакции. При этом в Барс-1064 читаются лишь 6 рассказов о Василии, а седьмой – «о силе креста Господня», – тематически примыкающий к 6-му, в данном случае опущен;

3) добавим несколько слов к характеристике последней, седьмой по счету, повести в тексте варианта ОР. В некоторых списках она отсутствует; в тех же, где она присутствует, в прочтении необходимо обращать внимание на следующее обстоятельство. Достаточно большой отрывок текста «о силе креста Господня» – не что иное, как вставка, мастерски интерполированная в текст, при этом сросшаяся с ним графически и по существу. При внимательном прочтении заметен и шов, не совсем складно совмещающий разорванный текст: «хотяй сие оуведати дати... аз же, кто грешный оуведехь о сем святом Василии блаженном слышания оное, и написах в знак моего благодарения за избавление молитвами его святыми сына моего от болезни».

Поскольку композиция Особой редакции жития отличалась гибкостью и предрасположенностью к распространению того или иного рассказа, то это открывало поле деятельности для переписчиков памятника и создавало возможность индивидуальных обработок. Одну из таких представляет Баланинский вариант (назван так по фамилии переписчика), представленный одним списком (РГБ, собр. Прянишникова, № 91. Сборник повестей, житий и слов, XVII в. Житие Василия – л. 442– 460 об.). Большинство житий в этом рукописном сборнике переписаны Максимом Баланиным, о чем свидетельствует запись на л. 104 об.: «Сия статия писана Максимкой Баланиным в 1688 году»; л. 424 об.: «а писал сию повесть Максимка Баланин в 1680 году». Сверка почерка свидетельствует, что житие Василия написано этой же рукой.

Вариант текста характеризуется тем, что содержит 2 новых сюжетных повествования о Василии, построенных по принципу «рассказ в рассказе».

1. «Царица Мария и благоверный царевич Дмитрий Иванович... Даша образ святого Василия обложити сребром и златом украсити мастеру своему именем Иоанну».

2. Задуманный как продолжение первого отдельный рассказ о том, что «вселися ненавистник диявол во сердцы мастера того и разже его на сребро».

Дополнительно повестушки рассматриваются в общем комплексе посмертных чудес. Они читаются вслед за 15-ю традиционными чудесами и представляют собой заключительную часть списка. (Кроме этого, в состав жития входит Похвальное слово святому.) Заглавие жития в Баланинском варианте изменено и звучит как «Житие и подвизи и в чюдесех похвала...» — для сравнения, в Особой: «Житие и жизнь и вкратце сказание о чудесах».

Наличие этого вида текста свидетельствует о непременном существовании новых сюжетных рассказов о Василии юродивом, не вошедших в текст Особой редакции и живущих в большей степени по законам фольклорного произведения. Такого рода тексты обычно известны в единственных списках и не получили широкого распространения в письменной традиции. Динамика сюжета, легкость запоминания диктовали их существование в устной форме. Очевидно, что наряду с литературной трактовкой сюжета ОР существуют его многочисленные обработки. При этом необходимо учитывать вероятное воздействие устных трактовок сюжета и возможность фольклорного посредства в отдельных случаях. Примером последнего является вариант ОР «с калачами».

«Вариант с калачами» представлен одним списком (РГБ, собр. Никифорова, № 33. Минея Четья на первую половину августа, XVII в. Житие Василия – л. 10–50. Начало текста утеряно). Восходит к 3-му варианту МР. Характеризуется особым заголовком: «Августа во второй день житие и слово похвальное святого и праведнаго блаженнаго Василия и о явлении его и отчасти чюдес его», наличием Похвального слова, а также необычным выбором посмертных чудес (12-е, 13-е, 21-е), о чем предварительно сообщено в заглавии: «...отчасти чудес его».

Рассказывается о том, как однажды Василий «срете человека, носяща и продающа ис крошни пироги. Блаженный же сторгнув с ремен его крошню с пирогами на землю. Сам же побеже». Действие развивается стремительно, рассказчик весьма эмоционально передает некоторые сцены: «видев же то человек, тако ему блаженный сотвори, и мня себе велию тщету подъяти, начат за ним гнати, и камение на нь вергати, и досадные словеса испущая. Блаженный

же от него убеже. Егда же возвратився тои человек и начат со земли собирати пироги в крошню, и обрете в том же месте плат вели со сребряницами, и положи его с пирогами в крошню. И начат человек тои велми скорбети, еще сотвори поругание блаженному Василию. И по сем восхвалил Господа и блаженного Василия, еле же ему сотвори милость. Понеже бо он в велицеи скудности живяше до того времени, и милостию блаженного Василия живяше во изобилии со женою своею и с чады, поведающе всем блаженнаго Василия истинное чудотворение». Заключительная часть текста в этом списке представляет собой краткий пересказ эпизода «о калачах», известного лишь по устным преданиям и легендам о Василии юродивом. Дополнительный текст записан, скорее всего, переписчиком сборника, пытавшимся «по памяти» обогатить повествование о Василии. Это подтверждается сказовым началом («и се ж довоспомянуто будет, еже сотвори блаженный Василие, еще жив бе...»), а также характерным разговорным языком, с присущими ему пояснениями, вводными предложениями («...едино убо от дне, яко ж обычеи предвидному уродствовати, иде с Лубянки за Домовную улицу»).

Нет сомнения, что устное предание о Василии юродивом московском, активно бытовавшее в народной среде, живущее «на слуху» у переписчика рукописного сборника Никиф-33, было внесено им в текст. Текстологический анализ показывает, что ни в одной из редакций жития аналогичных чтений нет. Источником, несомненно, могло быть только народное предание, бытовавшее в конце XIX века. В противном случае достаточно сложно объяснить присутствие этого занимательного факта в столь авторитетном первом издании Словаря Брокгауза и Ефрона. Налицо факт, напрочь забытый или специально отверженный «официальной» канонической линией жития.

Подведем некоторые итоги.

1. Особая редакция – своеобразный народный вариант жития Василия. Традиционно-житийные и легендарные рассказы о юродивом были собраны воедино в этой редакции жития; каждый из них представляет собой законченное, вполне самостоятельное произведение. Это дает основание считать, что многие сведения бытовали в устной традиции, а если иногда и были зафиксированы письменно, то не как составная часть жития, а как вполне самостоятельные тексты. В пользу этого говорит то, что наряду с литературной трактовкой жития существуют многочисленные

фольклорные обработки, развитие которых подчиняется своим особым законам.

2. Особая редакция возникла в результате расширения, детализации и в конечном счете беллетризации сюжетной схемы Проложной. Об их генетическом родстве свидетельствует тот факт, что текст Проложной редакции (за исключением 3–4 строк) полностью вошел в состав Особой. Между тем следует помнить и о Первоначальной редакции, положившей начало простому и неприукрашенному повествованию о жизни Василия. Одно из чтений в Первоначальной (о том, что отец Василия был прилежен «сапожному делу») и подобное ему в Особой (Василия отдают в учение к сапожному мастеру) дают возможность предполагать, что Особая редакция имеет в своей основе не дошедший до нас источник, связанный с Первоначальной. Это, в свою очередь, подтверждает читающийся во вновь найденном списке ОР (АБ-46) эпизод «о бане», куда Василий пришел помыться и «возгореся у святого похоть плотская». Сюжет ОР отличается особой гибкостью и предрасположен к распространению эпизодов. Известная светскость в сочетании с дидактичностью открывали поле деятельности для переписчиков памятника и возможность индивидуальных обработок. Такого рода переделки являются своеобразными «сигналами» о том, как воспринималось житие в тот или иной период (Баланинский вариант, вариант «с калачами»).

3. Таким образом, эволюция текста жития Василия Блаженного шла по двум самостоятельным линиям: с одной стороны – восходящие к общему протографу, генетически связанные друг с другом Минейная, Распространенная, Проложная редакции; с другой – Первоначальная, Особая. Эти две ветви разделились на очень раннем этапе существования текста и если и пересекались в дальнейшем, то только в виде механических контаминаций в отдельных списках (РГБ, собр. Никифорова, № 33 – вариант «с калачами»). Это способствует в конечном счете тому, что распространение эпизодов, внесение все новых и новых подробностей приводит к свободному обращению с исходным текстом, а повествование частично раскрепощается. Эпизоды Особой редакции превращаются едва ли не в самостоятельные вставные новеллы. Именно так образовался Баланинский вариант, характеризующийся тем, что одно из чудес Особой редакции представлено как отдельное, вполне законченное произведение, построенное по принципу «рассказ в рассказе». Вариант «чуда о некоем христолюбивце, умыслившем написати святый образ Богоматери» (в ОР он под № 12) известен под заглави-

ем «чудо 16-е святого Василия о некоем человеце именем Иоанне сребренице, утаивши сребро от образа святого Василия».

4. Итогом развития текста становится Сводная редакция, автор которой счел возможным объединить тексты Минейной редакции (группа Г 3-го варианта МР) и занимательного Краткого вида ОР. Пограничное положение между ними занимает текст Проложной редакции. Насыщенный биографическим материалом, конкретными данными о юродивом, он явился конкретизирующим дополнением к Минейной, а также своеобразным вступлением к виду Особой. Сводная редакция, по существу, является именно с в о д о м , объединившим Минейную редакцию произведения с многочисленными рассказами о Василии, бытовавшими в народном репертуаре. Яркая повествовательность повестушек, живость, динамизм нашли отражение в миниатюрах рукописей. Своеобразной повестью в картинках является лицевой сборник ГИМ, Барс-788в; особенно интересна рукопись ГИМ, № 29/28297, где на 174 листах помещено 38 миниатюр с подробными подписями, восходящими к тексту Сводной редакции, но не являющимися цитатами из него.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Полное собрание русских летописей. Т. XXI: 2-я пол. СПб., 1913. С. 599.

[2] Там же. С. 635–636.

[3] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *Иловайский Д. И.* История России. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. М., 1890. Т. 3.

[4] *Филарет (Гумилевский), архиепископ.* Истории русской церкви. М., 1876; *Он же.* Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884. Кн. 1; *Он же.* Русские святые, чтимые всею церковию или местно. СПб., 1869; *Димитрий, архиепископ.* Месяцеслов святых. СПб., 1874; *Сергий.* Полный месяцеслов Востока. Т. I. М., 1875. С. 181–191, 194; Т. II. М., 1888. С. 202–203; *Григорий, епископ Шлиссельбургский* (Лебедев, 1878–1937). Проповеди и слова, произнесенные в Петрограде в 1923–28 г. // Беседа: Религиозно-философский журнал. № 9. Л.; Париж, 1990. С. 220; *Леонид, архимандрит (Кавелин).* Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и место чтимых. СПб., 1891 (538. Василий, Христа ради юродивый). С. 136–137.

[5] *Строев П. М.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882; *Он же.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 163; *Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 2. С. 90–92; *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в русской церкви. 2-е изд. М., 1903. С. 40, 118, 424; *Кузнецов И. И., протоиерей.* Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа

ради [юродивые], Московские чудотворцы (Историко-агиографическое исследование) // Записки Московского археологического института, изд. под ред. А. И. Успенского. М., 1910. Т. 8.

[6] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 319 (новое издание – М., 1988).

[7] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 5-е изд. Кн. II. СПб., 1842. Т. XIII. С. 386.

[8] *Снегирев И. М.* Святый Василий Блаженный // Душеполезное чтение: Ежемесячное издание общепонятных сочинений духовного содержания. Год 5-й. Ч. 2. М., 1864. С. 293–301; *Он же.* Московские нищие в XVII столетии. М., 1853. С. 5; *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. (По житиям святых). М., 1966. С. 60; *Он же.* Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962. С. 35, 99; *Он же.* Юродивые древней Руси // Вопр. истории, религии и атеизма. М., 1964. Вып. XII. С. 170–195.

[9] *Флетчер Д.* О государстве русском. СПб., 1905. С. 101.

[10] *Кузнецов И. И., протоиерей.* Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы (Историко-агиографическое исследование) // Записки Московского археологического института, издаваемые под ред. А. И. Успенского. М., 1910. Т. 8.

[11] *Соболевский А. И.* Рецензия на издание И. И. Кузнецова // ИОРЯС. СПб., 1913. Т. 18, кн. 3. С. 391–398.

[12] *Панченко А. М.* Житие Василия Блаженного // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. I. Л., 1988. С. 250–251.

[13] *Сабирова (Орлова) Л. М.* Житие Василия Блаженного – памятник древнерусской агиографии XVI века (Проблемы текстологии и литературной истории произведения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992.

[14] *Сабирова (Орлова) Л. М.* К вопросу о литературной истории Жития Василия Блаженного (Особая редакция) // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Сыктывкар, 1990. Ч. 2: Археография и книжность. Лингвистическое изучение европейского Севера. С. 57–59.

[15] *Кузнецов И. И., протоиерей.* Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы (Историко-агиографическое исследование) // Записки Московского археологического института, изд. под ред. А. И. Успенского. М., 1910. Т. 8. С. 28–29.

[16] *Орлова Л. М.* К вопросу о литературной истории жития Василия Блаженного (Особая редакция) // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Сыктывкар, 1990. С. 57–59.

[17] *Снегирев И.* Святой Василий Блаженный // Душеполезное чтение. 1864. Ч. 2. С. 293–308.

[18] *Панченко А. М.* Житие Василия Блаженного. С. 250.

[19] Автор полемических сочинений, писец, переплетчик посл. четверти XIX – нач. XX века. Жил в селе Борок, бывал в Москве. Имел постоянный доступ к библиотеке В. М. Амосова; очень многие рукописи содержат его пометы и комментарии. Писал изящным полууставом, реже скорописью

(Ам.-Богд. № 109). Рукописная продукция его значительна (Ам.-Богд. № 107, 130, 131, 145, 148, 156; Сев. № 174, 287). По книжным вопросам общался с Е. И. Меньшиковым. Искренне благодарю В. П. Бударагина за ценные советы по этому вопросу.

[20] *Кузнецов И. И., протоиерей.* Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы (Историко-агиографическое исследование) // Записки Московского археологического института, изд. под ред. А. И. Успенского. М., 1910. Т. 8. С. 89, 92, 299–301.

[21] *Соболевский А. И.* Рецензия на издание И. И. Кузнецова // ИОРЯС. СПб., 1913. Т. 18, кн. 3. С. 395.

[22] *Снегирев И. М.* Святый Василий Блаженный // Душеполезное чтение: Ежемесячное издание общепонятных сочинений духовного содержания. Год 5-й. Ч. 2. М., 1864. С. 293–308.

[23] РПБ, собр. Титова, № 4065, XVIII в.

[24] РПБ, собр. Титова, № 3301, XIX в.

[25] РПБ, собр. Александро-Невской Лавры, № 49, первая четв. XIX в.

[26] ГИМ, собр. Барсова, № 1064, первая четв. XIX в.